

Ольга
Юнязова
Сквозь лабиринт времён

На острие
свечи

Сквозь лабиринт времен

Ольга Юнязова

На острие свечи

«Ольга Юнязова»

2011

Юнязова О.

На острие свечи / О. Юнязова — «Ольга Юнязова»,
2011 — (Сквозь лабиринт времен)

ISBN 978-5-17-075064-1

Стечение глупых обстоятельств опять привело Оксану за решётку. Конечно, это ошибка, но от этого не легче. Хотя... как ни странно легче. На воле была жуткая депрессия, а в обществе «уголовниц» на душе посветлело. <р id="_GoBack">Оксана знакомится с цыганкой. У них не так много времени, чтобы снять «тюремное проклятие». В процессе решения задач, которые встали перед героями, они размышляют над тем, что за субстанция такая душа. Где находятся ад и рай? Какое оно «Царствие небесное»? Как мёртвые могут воскреснуть во плоти во время апокалипсиса, почему христиане считают, что реинкарнации не существует, а буддисты уверены в обратном. И кто из них прав? И оказывается, что правы и те и другие.

ISBN 978-5-17-075064-1

© Юнязова О., 2011
© Ольга Юнязова, 2011

Содержание

Тараканище	5
Яд	8
За решёткой	11
Медведица	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ольга Юнзяова

На острие свечи

Тараканище

Почти на ощупь она продвигается по чердаку, ориентируясь по едва заметным силуэтам забытых вещей, запинаясь обо что-то и вздрагивая от прикосновений живущих во мраке призраков. Кажется, всё это сон, но нет времени проверять. Надо срочно найти то, зачем пришла.

Наткнулась на стол. Археологи-пальцы растревожили древнюю пыль и ушиблись о твёрдый предмет. Что это? Холодные завитки литья, на венце восковой огарок. Подсвечник? Как кстати!

Вспыхнула спичка, фитиль затрещал и осветил клубы щекочущего ноздри воздуха. Закашлялась. Ожили и заплясали корявые тени, лениво качнулась гирлянда из паутин.

«Ну, где же?!» – шарила она слабым светом по захламлённым полкам. Заслезилась глаза, зачесались запястья, запершило в горле. Всё! Пора уходить, иначе начнётся удушье.

Стараясь сдерживать кашель, чтобы не погасить свечу, она направилась к люку и вдруг в дальнем углу заметила то, что искала. «Успею!» – самонадеянно решила она и лишилась тех последних секунд, которые были нужны, чтобы выбраться.

Грудь сковало. Пальцы разжались, и подсвечник грохнулся на пол. Свет погас.

На секунду сознание прояснилось. Оксана поняла, что этот лязг создаёт соседка по камере, пытаясь достучаться до охранников.

– Клофелинщица ваша подохнет сейчас! Вот чего! – орала она, приправляя эмоции какими-то цыганскими ругательствами. – Задыхается она! Звоните в «скорую», придурки!

За решетчатой дверью появился молодой парнишка в милицейской форме.

– Хорош уже притворяться! – пытаясь изобразить строгость, пробасил он, но в голосе чувствовалось сомнение.

– Звони! Врачи разберутся, притворяется она или нет!

Кашель и шум в ушах заглушили их спор.

Так Оксана оказалась в общей палате в обычной городской больнице. Капельница уныло отмеряла секунды, а на соседних койках кряхтели и постанывали другие обитательницы этого мира. За окном медленно светало. Вспомнилась сказка Марка Твена «Принц и нищий». Оксана зачитывалась ею в детстве, мечтая хоть на несколько дней попасть во дворец. Но вышло наоборот – принцесса оказалась в шкуре нищенки. А может, это продолжается страшный сон?

Она внимательно оглядела палату. Нереальным казалось всё: трещины в штукатурке, заклеенные скотчем стёкла, и особенно... в груди похолодело от ужаса: «Нет, это не может быть наяву, они же давно вымерли!» Она присмотрелась: да, это самый настоящий таракан. Не спеша он передвигается по потолку, намереваясь через минуту оказаться прямо над её лицом. Где-то рядом с желудком сердце забило в набат, и если бы не игла в вене, то тело, бездумно повинаясь сигналу тревоги, выбежало бы из палаты. Но сейчас оставалось только лежать и смиренно погружаться в бессмысленный страх перед маленькой тёмной точкой.

Вспомнился детский сад, сказка про «тараканище».

– «Звери задрожали, в обморок упали», – делая «страшные» глаза, читала воспитательница.

Ксюша не понимала, чего испугались такие большие звери. Её больше занимал вопрос: как «волки от испуга скушали друг друга»? Даже если они начали есть с хвостов, то когда дой-

дут до желудков, то куда будут проглатывать? Это не укладывалось в голове, но она привыкла верить взрослым.

Из размышлений об этом парадоксе её вывел обречённый голос МариИванны: «Вот и стал таракан победителем, и лесов и полей повелителем. Покорились звери усатому... А он между ними похаживает, золоченое брюхо поглаживает: «Принесите-ка мне, звери, ваших детушек, я сегодня их за ужином скушаю!» Бедные, бедные звери! Воют, рыдают, ревут! Плачут они, убиваются, с малышами навеки прощаются».

Целый день потом Ксюша ходила под впечатлением. Её возмущало, что какая-то козявка чуть не съела маленьких медвежат, волчат и слонят. Её тревожил вопрос: а если бы воробей не прилетел, неужели звери всё-таки отдали бы своих малышей? И в этой ситуации ей даже больше было жаль взрослых, чем детей.

К вечеру терзания достигли пика, но папа работал во вторую смену, поэтому пришлось задать этот мучительный вопрос маме:

– А вот если бы вам приказали отдать меня на съедение таракану, вы бы согласились? – чуть не плача, спросила Ксюша.

Мама оторвалась от плиты и удивлённо обернулась.

– Кто бы приказал? Какому таракану? Ты руки вымыла? Сейчас будем кушать.

Ксюша слезла со стула и поплелась в ванную. Потянувшись к умывальнику, она обнаружила усатое чудовище прямо рядом с мыльницей. Прибежавшая на визг мама не сразу поняла, почему дочь рыдает...

Грудь сдавило. Даже опытный психотерапевт не смог бы сейчас разделить сросшиеся в единый ком эмоции: брезгливость, любовь, жалость, гнев, решительность и одиночество. Пасмурный рассвет добавил в картину красок, на глаза навернулись слёзы, и таракан расплылся неумолимо приближающимся рыжим пятном. Оксана знала, что, остановившись над лицом, эта тварь отцепится от потолка и шлёпнется прямо на губы, а потом, щекотливо перебирая лапками, побежит через щёку, лоб и запутается в волосах. Можно спастись, натянув на голову одеяло, но Оксана уже усвоила, что это будет лишь временная отсрочка, поэтому продолжала неподвижно лежать, накапливая заряд эмоций для следующего погружения.

Когда мама взглянула, куда указывает пальчик Ксюши, лицо её исказила гримаса отвращения. Она суетливо схватила тапок и начала охоту на перепуганное насекомое. Недолгая погоня закончилась звонким шлепком. – Вот и нету великана, – сказала мама, соскабливая со стены кишки и крылья незваного гостя. – Мой руки, пошли есть.

Надо ли уточнять, что еда не лезла в горло. Ксюша давилась, но не могла сопротивляться кормлению. Оксана решила, что настало время вмешаться. Она вошла на кухню, поставила маму «на паузу» и, посадив ревущую малышку на колени, прижала её к себе.

– Ну па-а... чему она меня совсем не понимает? – всхлипнула Ксюша.

– Хороший вопрос, – вздохнула Оксана. – Попробуем с этим разобраться.

Вскоре девочка успокоилась и уснула. Оксана отнесла её в постель и вернулась на кухню. «Оживив» маму (та была моложе сегодняшней Оксаны), она села напротив и укоризненно спросила:

– Неужели ты на самом деле не понимаешь, что для неё это не просто капризы? Она действительно поверила этой идиотской сказке и боится, что если прикажут, то вы с папой будете «плакать и рыдать», отдавая её чудовищу.

– Но это же абсурд! – возмутилась мама. – Она уже достаточно взрослый ребёнок, чтобы понимать, что таракан не может её съесть.

– Она не боится, что её съедят! Она боится, что вы её отдадите.

– Да с чего вдруг?!

Оксана задумалась. Как объяснить, что фобия логике не подвластна? Тем более логике человека, который ещё не в состоянии оценить политический юмор члена Союза писателей.¹

– Скажи, – нашла пример Оксана, – а с чего ты устроила мне вчера очередную истерику? Разве твоё поведение не было абсурдным?

Мама удивлённо нахмурилась, не понимая, о чём речь. Вдруг бороздка на лбу начала углубляться, вокруг глаз пошли мелкие трещинки, кожа покрылась пигментными пятнами и, потеряв упругость, обвисла. Особенно страшно изменились губы – они высохли и провалились, скорбно застыв узкой щелью.

– Да как ты можешь сравнивать? – прохрипела старуха.

– А по-моему, сравнение вполне уместно! – снова взбесилась Оксана, но тут же осатила себя, вспомнив, к чему привели вчерашние, вышедшие из-под контроля эмоции.

¹ «Тараканище» К. Чуковского была написана как карикатура на времена сталинских репрессий и замаскирована под детскую сказку.

Яд

Она собирала чемодан, демонстративно скидывая всё, что попадалось под руку. Утрамбовав свой гардероб, она вытащила чемодан в коридор и напоследок насладились беспомощным взглядом матери, которая уже начала осознавать, что перегнула палку.

– Надя! – обратилась Оксана к сиделке. – Я буду привозить продукты, Нина Николаевна будет приходить убирать в квартире, а медсестра ставить уколы. У нас всех есть ключи. Дверь никому не открывай! Поняла?

Надя кивнула и взялась за ручки инвалидного кресла, чтобы откатить свою подопечную от порога. Опомившись, Елена Сергеевна вновь начала выкрикивать какие-то жалобы и проклятия, но Оксана взяла чемодан и хлопнула дверью.

Сев за руль, задумалась, куда ехать. «Для начала подальше отсюда», – решила она и завела двигатель.

Выехав в центр города, она нашла свободное место и припарковалась, чтобы успокоиться и трезво всё обдумать. Но мысли дребезжали, как кофейные чашки на подносе пьяного официанта. Неподальёку сверкала разноцветными вспышками вывеска какой-то закусочной. Взглянув на неё, Оксана поняла, что нестерпимо хочется кофе. Она вышла из машины и, как зомби, побрела на рекламные огни.

Под ногами хрустели сухие скорченные листья. Быстро темнело, усиливая и без того страшную тоску. Это самое тяжёлое время года. Недаром созвездие, в котором сейчас находится солнце, называется Скорпионом. Оксана ненавидела это злобное насекомое, несмотря на то, что именно под его знаком ей «посчастливилось» появиться на свет.

Потянув на себя тяжёлую дверь, она возмутилась отсутствием швейцара и вошла в кафе.

Здесь оказалось на удивление мило. Народу было немного, играла тихая музыка, располагающая к размышлениям, а свечи в канделябрах на стенах излучали лёгкий успокаивающий свет.

Оксана села за свободный столик, бросила сумку на соседнее кресло и остановила взгляд на дрожащем электрическом «пламени» в ожидании официанта.

– Что будете заказывать? – с улыбкой спросил подбежавший гарсон.

– Кофе, – не отрывая взгляда от свечи, ответила Оксана.

– Капучино, эспрессо, латте, коретто, американо?

– Кофе! Чёрный, крепкий, горячий! Без сахара и прочей хрени!

– Значит, американо, – кивнул парнишка. – Что ещё?

Оксана посмотрела на него с раздражением, но ответила спокойно:

– Только кофе.

– У нас есть отличные свежие круассаны...

– Кофе! И всё! И может быть, потом ещё кофе.

Официант кивнул, и Оксане показалось – как-то слишком пристально на неё посмотрел, перед тем как уйти.

Она достала из сумки телефон и нашла в базе номер агентства, которому сдавала под гостиницу квартиру. Трубку долго не брали, но наконец настойчивые гудки увенчались снисходительным «алло».

– Здравствуйте. Я хочу расторгнуть договор аренды на квартиру... Что значит, «звоните завтра»?.. Да? – Оксана посмотрела на часы. – А вы кто?.. Уборщица... Ясно. – Она отключила телефон и бросила его обратно в сумку.

«Но домой я не вернусь! – Она закрыла глаза ладонями, стараясь унять нервную дрожь. – Где этот официант?! Неужели так долго варится кофе?!»

- Ваш заказ... – услышала она примерно через минуту и открыла глаза.
- Благодарю.
- Если захотите чего-нибудь ещё, зовите.

Она кивнула и перевела взгляд за окно. Уже стемнело. Фонарные столбы свысока глядели на скачущую очередь автомобилей. Оксана решила переждать пробки, а потом поехать и поселиться в какой-нибудь гостинице.

Кофе не действовал, точнее, не разгонял тоску, как обычно. Да и не удивительно: слишком часто в последнее время приходилось ей прибегать к этому зелью. Осень адаптировалась к противоядию и продолжала медленно отравлять жизнь.

Депрессия неизбежно случалась каждую осень, но на этот раз она была просто невыносима. Усугубляло её ещё и то, что Александр сильно изменился. Он стал молчаливым и равнодушным. Хотя вполне вероятно, что он и раньше был таким, просто на время «брачных танцев» его личность старалась показывать себя в самых красивых масках, а добившись успеха, успокоилась, расслабилась и вернулась в обычное для мужчин состояние.

Любовь прошла. Это случилось с Оксаной, увы, не впервые. И почему она решила, что на этот раз всё должно быть как-то иначе? Может, потому, что он должен чувствовать себя обязанным? Ведь на то, чтобы выдернуть его с «того света», пришлось потратить немалые средства, а уж в масштабах его доходов и вовсе огромные. Почти месяц он провёл в больнице, а врачи так и не поняли, от чего его лечили. Никаких известных науке вирусов в крови обнаружить не удалось, но проявлялись симптомы то одного, то другого заболевания. В конце концов, устав гоняться за химерами, его отпустили, выписав напоследок кучу дорогостоящих лекарств, без которых, как считали светила науки, жить ему будет сложно.

Покупая в аптеке эти ампулки и таблеточки, Оксана чувствовала, что выбрасывает деньги на ветер. Ей противно было думать о деньгах. Она бы с удовольствием забыла о них и отпустила его. Но стоило только вплотную приблизиться к этому решению, как душа застыла от одиночества. Не в силах сопротивляться, Оксана бросала всё, наступала на горло гордости и вопреки здравому смыслу снова ехала к нему.

Александр делал вид, что рад встрече, но вскоре находил себе срочное занятие и оставлял её «дышать свежим воздухом». Осенняя деревня угнетала своей серостью, сыростью и старостью, хотелось быстрее уехать, благо была «уважительная причина» – мама.

Та же «причина» не позволяла Александру часто приезжать в город. Он старался быть вежливым с Еленой Сергеевной, да и она делала вид, что смирилась, но атмосфера мнимой семьи настолько утомляла постоянной фальшью, что Оксана облегчённо вздыхала, когда Александр уезжал.

Так прошёл... а точнее, простоял однообразный свинцовый октябрь.

Кофе закончился, так и не принеся облегчения. На дне чашки остались хаотические разводы, не несущие в себе никаких обнадёживающих символов. Оксана вздохнула и, желая попросить счёт, окинула взглядом зал в поисках официанта. Её внимание на полсекунды остановилось на двух мужчинах, сидящих за соседним столиком. Показалось, что они проявляют к ней какой-то странный интерес. «Надеюсь, они не мечтают со мной познакомиться?» – ехидно подумала Оксана и потянулась к сумке, чтобы достать кошелек, но соседнее кресло было пусто.

До неё не сразу дошло, что сумку украли, она даже наивно заглянула под столик, потом на другое кресло, вспоминая, куда же она её положила. Но когда напрасные иллюзии развеялись, в воображении замелькали слайды возможных последствий. В сумке ключи от квартиры и паспорт, ключи от автомобиля и документы на него. Воришке достаточно, выйдя из кафе, нажать кнопку на брелке сигнализации, сесть в подмигнувший «Мерседес» и ехать грабить квартиру, где две беспомощные инвалидки вряд ли смогут оказать сопротивление.

В надежде, что ещё не поздно, Оксана вскочила и почти бегом бросилась к выходу. Но не успела она открыть тяжёлую дверь, как её больно схватили за локоть и вывернули руку.

– Спокойно, гражданочка, – услышала она за спиной, – кажется, вы забыли заплатить за кофе.

Оксана в бешенстве дёрнулась, но ей в нос ткнули какую-то красную корочку.

– Сержант милиции Вишняков. Ваши документики предъявите, пожалуйста.

– Милиция? – обрадовалась Оксана. – Ребята! У меня сейчас машину угонят! Помогите! У меня сумку украли!

– Ага, – усмехнулся второй, подойдя к ним. – Ещё что придумаешь?

– Вы что, не понимаете?! Если у меня украли сумку, то и документы тоже! И деньги... и ключи от машины.

– Сейчас проедем в отделение и там разберёмся, – невозмутимо произнёс милиционер, распахивая дверь. Потом он развернулся и помахал рукой официанту.

– Какое отделение?! – взвыла Оксана. – Из-за чашки кофе?! У меня сумку...

– Слышали уже! – Вишняков грубо вытолкнул её на улицу. – Вот в отделении и расскажешь и про сумку, и про машину.

Оксану запихали в милицейский «уазик» и захлопнули дверь с зарешеченным окошком.

За решёткой

Шагая по тёмному коридору, она пыталась проснуться, будучи уверена, что это просто страшный сон. Вишняков распахнул одну из дверей и завёл её в кабинет, где за столом сидел скучающий лейтенант и раскладывал пасьянс на компьютере.

– Поймали? – не отрываясь от игры, спросил он.

– Жаль, не с поличным, – усмехнулся в ответ Вишняков. – Чуть не удрала, пришлось нарушить маскировку. Хитрая стерва.

Лейтенант бросил «мышку», потёр ладонями глаза и зевнул.

– Ну, давай рассказывай! – лениво сказал он, окинув Оксану с ног до головы презрительным взглядом.

До неё начало доходить, что это ошибка. Вспомнился тот внимательный взгляд официанта. Наверное, потому он и тянул время, чтобы успели приехать. Но как им объяснить?!

– Вы меня с кем-то перепутали, – ответила она, понимая банальность и бессмысленность этого заявления.

Лейтенант грустно покачал головой и нарочито тяжело вздохнул.

– Значит, будем отпираться и тратить наше время и нервы. Ладно! – Он пододвинул к Оксане телефон. – Звоните кому-нибудь, кто сможет приехать сюда с документами и подтвердить вашу личность.

Оксана сняла трубку и замерла. Она с ужасом осознала, что не помнит ни одного номера, кроме домашнего и рабочего. Но ни мама, ни Надя приехать сюда не смогут. Она набрала офис и выслушала серию длинных гудков. Алексей не отличался трудовым фанатизмом и домой уходил как все белые люди в конце рабочего дня. Она положила трубку.

– Э-э-э... понимаете... у меня украли сумку...

– И что?

– А там телефон, и я без него номеров ничьих не знаю!

– Ну что ж, – пожал плечами лейтенант, – позвоните завтра. А пока вынужден задержать вас до выяснения.

– И до опознания, – напомнил Вишняков.

– Какого ещё опознания? – испугалась Оксана.

Лейтенант взял мышку, что-то пощёлкал по экрану, и через полминуты принтер с шипением выдал из себя лист бумаги.

– Ваш фоторобот?

С рисунка глядела девушка, очень на неё похожая. Снизу была подпись: «Клофелинщица. Знакомится с клиентами в Интернете и назначает свидания в кафе. Заметив, позвонить по телефону (такому-то)».

– Но это не я! – помотала головой Оксана.

Лейтенант наигранно расхохотался, а потом с усталостью в голосе сказал:

– Давай уже чистосердечное. Куда сбывала награбленное? Где получала наводки? Быстрее сядешь – быстрее выйдешь.

– Хорошо, – кивнула Оксана. – Пишите.

Лейтенант дал ей ручку и чистый лист.

– Нет уж, давай сама.

Оксана пожала плечами и начала писать.

«Я, Власова Оксана Васильевна, зашла в кафе. Там у меня украли сумку...» Изложив эту историю, она закончила так: «Прошу на всякий случай поставить в «угон» мой автомобиль, номер (такой-то), который остался ночевать на улице (такой-то) недалеко от кафе, а заодно

позаботиться о квартире по адресу (...), где остались две инвалидки, которые не смогут оказать сопротивление грабителям, когда те придут.

И должна предупредить, что сама я астматик, а мои «неотложные» лекарства тоже были украдены вместе с сумкой, поэтому при ночлеге в антисанитарных условиях я могу умереть».

Поставив подпись и дату, она спокойно подвинула заявление лейтенанту. Бегло просмотрев написанное, он сделал расстроенное лицо, и сказал:

– Вишня, сними отпечатки пальцев и веди её в обезьянник.

Оксана встала и, прежде чем выйти, спросила:

– А когда вы убедитесь, что это ошибка, вам не будет мучительно стыдно?

– Нет, – равнодушно бросил лейтенант, возвращаясь к своему пасьянсу. – Я выполняю свои прямые обязанности. Все претензии к тем, кто сочиняет законы и должностные инструкции.

– Но вы хотя бы заявите об угоне! – взмолилась Оксана.

– Это не ко мне, это в другой отдел. А там с вами не будут разговаривать без документов.

В изоляторе временного содержания было людно. Все места заняты сидящими и лежащими арестантками. Вишняков впустил туда Оксану, как рыбу в садок. Вспомнилось, как папа однажды взял её с собой на рыбалку. Клёв был хороший, погода тоже. Ксюше нравилось следить за поплавком и подсекать серебристых карасиков. Они казались весёлыми, сверкающими на солнце игрушками. Но когда пришло время возвращаться домой, папа смотал удочки и достал из воды металлическую сетку, почти доверху наполненную живыми... (живыми!!!), но уже полумёртвыми рыбками. Ксюша ни единым жестом не показала своего ужаса, но на рыбалку с тех пор больше не ходила.

Вот и сейчас она испытала то же чувство при виде женщин, которые равнодушными, остекленевшими от скуки глазами изучали новую обитательницу тесной комнаты, растерянно стоящую посередине и ищущую, куда бы присесть. Никто даже не шевельнулся, чтобы освободить хоть клочок занятого места.

Оксана подошла к подоконнику. Он был узкий, сесть на него было нельзя, но можно было облокотиться. Из щелей между стёклами дуло. За окном царил тьма: ни фонарей, ни домов, ни тем более звёзд. Из зарешеченной зеркальной бездны на Оксану глядела почти не знакомая ей девица лёгкого поведения.

За минувшее лето и особенно за то время, пока Александр был в больнице, Оксана сильно похудела. Скулы заострились, на щеках появились стильные впадины. К тому же она начала подкрашивать глаза – наконец-то удалось найти косметику, от которой веки не краснели и не чесались. А может, аллергия уже не так свирепствовала. Ну и, наконец, Оксана решила закрасить появившуюся седину, но цвет получился намного темнее, чем её естественный. Сначала она хотела заставить парикмахершу переделывать, а потом, повертевшись перед зеркалом, нашла, что так даже интереснее. Воодушевившись новым стилем, она посетила бутик, где позволила себе купить джинсы и неприемлемые ранее модели блузок. Увидев дочь в этом образе, Елена Сергеевна обречённо простонала: «Ну, вот и всё! Нет больше моей Ксюши!», разрыдалась и закрылась в своей комнате.

– И долго ты будешь тут стоять? – спросило отражение. – Надеешься, что кто-то любезно предложит тебе сесть?

Оксана и сама понимала, что пора идти в атаку и отвоёвывать себе место. Она развернулась и внимательно оглядела всех, размышляя, кого бы подвинуть. На одной из скамеек слишком вольготно лежала толстая, хамоватого вида баба. Даже не успев оценить свои шансы, Оксана двинулась в её сторону.

– Подвинься! – спокойно сказала Оксана.

– Чё? – возмутилась толстуха.

– Подвинься! – чуть медленнее и чуть громче повторила Оксана.

– Щас! – и даже не шевельнулась.

Оксана продолжала спокойно стоять над тюленеподобной гражданкой, размышляя, за что бы её ухватить. На удивление, драка ничуть не пугала, несмотря на разные весовые категории.

– Не связывайся с ней! Иди сюда! – услышала Оксана и, обернувшись, увидела, как садится пожилая женщина с огромным синяком на лице, до этого лежавшая, свернувшись клубочком.

– Лежите, лежите, бабушка! – остановила её Оксана. – Я сейчас эту гору сдвину.

В изоляторе все оживились, наверное, обдумывая, чью сторону выгоднее принять в предстоящей битве.

– Ну что? Подождёшь коленки или будешь спать на полу? – дерзко спросила Оксана.

– Ты кто вообще такая? Я же тебя соплём перешибу! – нахмурилась «гора».

– Хочешь знать, кто я? – угрожающе раздула ноздри Оксана. – Тебе рассказать или сразу перейдём к свинобойне? – И она зачем-то засунула руку в задний карман джинс.

Тётка вытянула губы в нелепую трубу, глаза её налились кровью, и она покряхтывая, медленно скинула ноги со скамьи и села.

«О боже! Что я делаю?» – перепугалась Оксана, глядя, как встаёт-поднимается массивная туша.

«Не тру-у-усь! Прорвёмся! – услышала она задиристый голос внутри себя. – У неё давление под двести! Пара резких движений – и она труп».

«И что? Этот труп будет на моей совести?» – ужаснулась Оксана.

«Подумаешь! Одной тварью станет меньше. К тому же отступить нам всё равно уже некуда».

– Валечка! – взвизгнула избитая старушка. – Не связывайся с ней! Пусть садится!

– Спокойно, мама! – ответила Валечка. – Щас мы посмотрим, свино тут будет бойня или куро...

– Валя, у тебя давление! – кинулась на неё старушка, чуть не плача. – Садись! – приказала она Оксане, махнув рукой в сторону своего места. – Валечка! Успокойся, доченька!

Оксана села, с ужасом наблюдая, как сухонькая бабушка осторожно укладывает на скамейку пунцовую громилу.

– Так врача же надо вызвать! – обратилась Оксана к разочарованным зрителям.

– Может, ещё пиццу закажем? – усмехнулась чернявая женщина с характерным цыганским говором.

Оксана встала, подошла к решётке и начала остервенело пинать по ней.

– Вызовите «скорую»! Женщине плохо! – заорала она. – Э-эй! Кто-нибудь! Есть здесь живые люди?!

Она кричала до тех пор, пока не подошёл дежурный и не заткнул её, неожиданно пихнув резиновой дубинкой в живот. Оксана согнулась, задохнувшись.

– Кто тут заболел?! – агрессивно спросил охранник.

Превозмогая боль, как ни в чём не бывало Оксана указала в сторону Валентины.

– У неё давление под двести!

– Чем это ты измерила?

– Вижу. У неё состояние предынсультное.

– Вот когда инсульт будет, тогда и вызову, – и он спокойно удалился.

Оксана вернулась на место, не понимая, как такое может быть в реальном современном мире.

– Извини, я не знала! – обратилась она к Валентине.

– Да пошла ты... – прохрипела та и снова ушла в прострацию.

Оксана поджала ноги, откинув голову на стену, закрыла глаза и вдруг с удивлением обнаружила, что той ужасной, мутной, серой, скорпионьей тоски больше нет. «Куда же она исчезла?» – Оксана внимательно осмотрела все закутки души. Неужели необходимо было пасть на самое дно, оказаться в реальной «банке со скорпионами», чтобы почувствовать, что жизнь – просто рай. Завтра все недоразумения прояснятся. Перед ней извинятся (а если нет, то и чёрт с ними!) и отпустят. Потом восстановят документы и, может быть, даже найдут её автомобиль. А если не найдут, то и ладно. Это же такая мелочь по сравнению с проблемами остальных узниц.

Оксана обвела их взглядом сквозь щель в ресницах. Знала ли эта женщина, что, потакая эгоистическим капризам своей Валечки, она сама загоняет любимую дочь в этот «обезьянник»? Почему ей никто не объяснил, что, балуя деточку пирожками, она забивает ей сосуды холестерином и наряжает в этот тяжёлый жировой скафандр, который неизбежно приведёт к болезням?

А у цыганки даже выбора не было. Её с детства обучали жульничать и обманывать. Для неё этот изолятор даже не наказание, а обычная часть работы, как для дальнотойщика, например, замена пробитого колеса. Предложи ей сейчас другую судьбу – она, скорее всего, откажется, потому что это противоестественно для её народа.

А вон та девушка... её явно ломает... Неужели она не знала о последствиях, когда впервые пробовала наркотик? Что заставляет этих людей так издеваться над собой?

И тут Оксана вспомнила, что не более чем минуту назад она сама осознанно пыталась вызвать на себя неизбежный «бульдозерный» наезд, а потом получила-таки дубинкой в живот. Неужели она не догадывалась о возможных последствиях? Что заставило её так рисковать?

Она задумалась и поняла, что, во-первых, даже не успела подумать, прежде чем начать действовать. А во-вторых, была необходимость. Если бы не этот дерзкий блеф, то не сидеть бы ей сейчас на нарах, «как король на именинах», а ютиться где-нибудь в углу на корточках, как вон та заплаканная белобрысая девчонка.

– Эй! – окликнула её Оксана. – Ты что там сидишь, как курица на насесте? Иди сюда.

Девушка вскинула удивлённый взгляд, словно не понимая, что обращаются к ней.

– Да, да, – кивнула Оксана. – Ты, ты!

Девушка испуганно помотала головой.

– Хм... тебе там удобно, что ли? – Оксана подвинулась и настойчиво хлопнула ладонью по скамье.

Девушка снова мотнула головой и опустила взгляд.

– Я не поняла! – возмутилась Оксана и удивлённо оглядела всех присутствующих. – Кто запугал девочку?

– Сама же и запугала, – ответила цыганка.

– Я?!

Цыганка усмехнулась и замолчала. Но Оксана вошла в роль и уже не желала отступить.

– Ну-ка ты, запуганная! – возмутилась она. – Встала быстро и села рядом со мной!

Девушка подчинилась. С трудом разогнув затёкшие ноги, она с опаской подошла и залезла на нары.

Оксана внимательно её оглядела: приличная одежда, лицо без печати разврата или наркоты. Чистый ангел. Неужели внешность может быть настолько обманчива?

– Ты-то за что сюда попала? – уже без наносного бандитизма спросила Оксана.

Вместо ответа девушка опять разрыдалась.

– Ты что, в первый раз здесь? – спросила цыганка.

– Похоже на то, – кивнула Оксана.

– Да я не её, я тебя спрашиваю.

– Меня? Хм... почему ты так решила?

– Потому что здесь не задают таких вопросов. Здесь все «по ошибке».

– А-а-а... ну да... я тоже по ошибке. И действительно в первый раз. В «обезьяннике» в первый, – уточнила Оксана. – А в прошлый раз я сидела в комфортабельной одиночной камере.

– Слишком ты разговорчивая, – усмехнулась цыганка.

– Извини, не знаю здешних порядков, – пожалала плечами Оксана. – Но мне действительно жутко интересно, как тут оказалась, например, вот эта милая женщина. – Оксана показала рукой на избитую старушку, сидевшую, положив распухшие ноги Валечки себе на колени.

«Милая женщина» промолчала, но перед мысленным взором Оксаны внезапно возникло «кино»: визг, мат, проклятия и мёртвой хваткой до боли в ногтях она держится за китель милиционера. Попытка оторвать её увенчалась лишь треском ткани. Взмах дубинкой... она зажмурилась, но пальцев не расцепила. «Ладно. Грузи и её» – услышала Оксана. – «Оформим за сопротивление». – «Так она ж потерпевшая!» – «Потерпевшие тут соседи, которые вынуждены их скандалы слушать».

Оксана перевела удивлённый взгляд на Валентину. «Неужели, это и вправду она избил мать?» Почему-то не возникло даже сомнений, что этот «видеоролик» (или точнее было бы сказать «мыслеролик») показал истинную картину произошедшего. Словно Оксана не предположила, а вспомнила это. «За что же она её?!»

В голове зажужжало, словно в мозг загружается новый файл. Оксана резко зажмурилась и отменила вопрос – лезть в чужую жизнь не хотелось, тут со своей-то дай бы бог разобраться. Она вспомнила, как сама вчера едва сдержалась, чтобы не врезать матери.

«Вчера?! Как вчера? Это же было всего несколько часов назад! – удивилась Оксана. – Странно!» Она ещё раз внимательно «пробежалась» мысленным взором по последним событиям и заметила, что с того момента, как её закрыли в этой комнате, жизнь начала течь медленнее... или, наоборот, быстрее... непонятно. И пожалуй, сравнение с течением здесь не подходит – случай в кафе она видела сейчас далёким, словно в перевёрнутый бинокль. Может, это из-за стресса? Но на душе было на удивление легко и даже радостно, словно после долгого мучительного напряжения ей, наконец, позволили лечь и расслабиться. Логически это было совершенно необъяснимо.

От размышлений отвлекли судорожные всхлипы соседки.

– Ну что ты ревьешь? – шёпотом спросила она у блондинки. – Понимаю: страшно, обидно, но если ты не виновата, это обязательно выяснится.

В глазах у девушки вспыхнула надежда, и она повернула мокрое лицо к Оксане.

– Как? – простонала она. – Как выяснится, если меня подставили? Меня с по... с поличным взяли.

– Ну, так расскажи всё, как было.

– Кто поверит?!

– Я поверю!

– Молчи, дура! – усмехнулась цыганка. – Не видишь разве, что это подсада?

– Я подсада?! – возмутилась Оксана. – Хм... и откуда такие выводы?

– Так тебя ж насквозь видно.

Цыганка прищурилась, словно внимательно вгляделась, и Оксана ощутила, как волна мурашек побежала из солнечного сплетения по всему телу. Возникло чувство, что в её голове проводится «шмон». Не успела она опомниться, как цыганка отвернулась и спокойно занялась просмотром «украденных файлов».

– А даже если и подсада, – продолжила Оксана, обращаясь к девушке, – ты на себя не наговаривай. Рассказывай, что произошло, кто подставил.

– У нас в магазине... – Искусанные губы задрожали, и несчастная снова разрыдалась.

– Ладно, завтра расскажешь. А сейчас постарайся успокоиться.

– Иди, ложись на моё место, – сказала цыганка и встала.

Блондинка послушно перешла и легла, свернувшись эмбрионом.

– Хочу тебе погадать, – цыганка села рядом с Оксаной. – Дай руку.

– Не дам.

– Да я бесплатно!

– А если мне не интересно, то и бесплатно не надо!

– Тебе интересно.

– Нет.

– Я расскажу, почему ты сюда попала.

– Я это и без тебя знаю.

– Не знаешь! – Цыганка перешла на шёпот. – Ты думаешь, что это ошибка. Думаешь, что документы у тебя украли случайно и что ты случайно оказалась похожа на другую.

Оксана на несколько секунд вошла в ступор. Вспомнились рассказы об уличных гадалках. Они всегда знают, что надо сказать, чтобы завладеть вниманием, а потом люди опомнятся – а уже ни денег ни золотых украшений.

– Что тебе надо? – подняла взгляд Оксана.

– Ой, не гляди на цыгана косо! – улыбнулась та. – Тогда и цыган на тебя прямо посмотрит.

– Ты же понимаешь, что у меня ничего нет.

– Ай, не обманывай! Думаешь, я не вижу? У тебя есть деньги на адвоката, и ты даже хочешь помочь этой дурочке выбраться отсюда.

– Надеешься, что я и тебе помогу?

– Зачем обижаешь? – сморщилась цыганка. – Меня завтра и без тебя брат выкупит. А надо будет – и адвоката наймёт.

– А чего обижаться? Кто ж виноват, что у вашего народа репутация такая.

– Да ты меня с котлярьками-то не путай!

– С кем?

– Ну, те, которые по улицам стаей ходят. Разве я на них похожа?

Оксана окинула её взглядом: длинная клетчатая юбка, водолазка, джемпер и красное коралловое ожерелье в несколько рядов.

– А я по одежде о людях не сужу, – пожала плечами Оксана.

– А по чему судишь? По национальности?

Оксана усмехнулась.

– По национальности тоже неправильно, – согласилась она. – Ладно, извини. Но что тебе за выгода мне гадать?

– А что тебе за выгода девчонке этой помогать?

– Ты вопросом на вопрос не отвечай! Если в тебе живёт такая любовь к ближнему, то почему ты спокойно смотрела, как она на полу сидит? А тут вдруг лежанку ей уступила. Не кажется странным?

– Нет! – ничуть не смутилась цыганка. – Чем я могла ей помочь?

– Подвинуться хотя бы!

– Так на полу места-то больше. А грязь такая же, как на нарах. Какая разница, где сидеть? Дай руку! Последний раз предлагаю.

Оксана задумалась. То, что цыганка может считывать образы из памяти, чудом не казалось и даже не удивляло. Но вот вопрос: может ли она знать то, чего не знает сама Оксана? Ведь если информации нет в голове «клиента», то откуда её возьмёт «ясновидящая»? Ответ ясен – придумает. А глупая жертва поверит.

Но любопытство всё-таки пересилило.

– Ладно. – Оксана показала ладонь.

– У-у-ууу! Так я и думала! – закивала цыганка и сделала вид, что с интересом изучает линии.

В памяти Оксаны всплыли слова старой ведьмы: «Будущее – это бесконечное множество вероятностей. И все они как волоски в шерсти овцы. То, что видимо, – ещё не факт, что неизбежно. Но если ты словом это обозначишь – как нитку спряжешь из этой шерсти. И тогда уже наверняка вся цепь событий по этому руслу пойдёт».²

Осознав опасность такого гадания, Оксана резко отдернула руку, но было уже поздно.

– Плохи дела твои, – вздохнула цыганка. – Порча на тебе.

– Ничего оригинальнее не успела придумать? – усмехнулась Оксана.

– И даже не хочешь знать, кто её на тебя навёл?

– И даже более того – я не верю ни в какие порчи.

– Хм. – Цыганка пожала плечами. – Но если не веришь в радиацию, это не означает, что она тебе не страшна.

Оксана невольно начала перебирать в памяти лица женщин, которые могли бы желать ей зла.

– Не там ищешь, – мотнула головой гадалка. – Это мужчина. Он на тебя заклятье наложил на болезнь и на тюрьму.

Сразу же вспомнился дядя Вова, точнее Владимир Львович – бывший друг и компаньон отца. Хотя он и был гадким, мелочным и мстительным типом, но представить его, тыкающим иголки в восковых куколок, было невозможно.

– Не! Болезнь – это точно не он, – помотала головой Оксана. – Ты уж ему лишнего не шей. А вот тюрьму мог. Только не порча это, а обычная подстава.

– По-твоему, чтобы человеку жизнь испортить, надо обязательно сушёных крыс ему под дверь подкинуть или фотографию ножом изрезать? В наше время достаточно просто сделать пару звонков. А результат будет тем же. Слушай меня, я расскажу тебе, как всё было.

– Стоп! Что я буду тебе за это должна? Давай сразу обговорим.

– Да что с тебя взять-то? Сказала ж, бесплатно! Просто помочь хочу!

Оксана колебалась – в цыганскую бескорыстность не очень верилось. И вдруг в памяти возник симпатичный паренёк с загадочным взглядом тёмно-синих глаз. Это был Котька, тот самый, которого она придумала, чтобы трансформировать ситуацию с ведьмами. «Цыгане – они ж не только за деньги поют, – сказал он. – Они могут и просто за уважение».

– Ладно, рассказывай! – сдалась Оксана.

Но тут лязгнул металл и решетчатая дверь со скрипом открылась.

– Курёхины, на выход! – скомандовал милиционер, и старушка с синяком начала суетливо поднимать свою начавшую похрапывать дочурку. Когда они встали, их место, по закону природы не терпящей пустоты, начали заполнять другие арестантки.

– Завтра поговорим, – сказала цыганка и перебежала, чтобы успеть захватить самый удобный кусок освободившегося пространства.

– Остальным отбой! – сказал милиционер и ушёл, закрыв дверь.

² Из 4-й книги «Охота на ведьм».

Медведица

Яркая полоса внезапно рассекла звёздное небо.

Александр вздрогнул, очнувшись от гипнотического транса, в который вошёл, остановившись на минутку, чтобы полюбоваться коротким осенним закатом. Но солнце провалилось за горизонт так быстро, что он не успел напиться золота, и жадно продолжал созерцать, как фиолетовый шлейф постепенно рассыпается в темнеющем куполе алмазной крошкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.